

Илья Муромец (Русская сказка)

Был у матери один сын, его звали Илья Муромец. Ну, он, значит, калека был. Двенадцать лет не ходил, под себя все это. За ем мать все ухаживала. А потом шел странник и, значит, зашел к им, а отец-мать были... (вот у нас теперь, при советской власти тракторами очищают под пашню, а тогда нет), и вот они и работали, отец с матерью. Вот потом приходит какой-то старый старик, а этот Илья лежал посередь избы. (Он разговаривал, но только не ходил, калека был.) Этот старец приходит. «Кто есть тут дома?» — стукатся. А он ему отвечает: «Есть, — говорит, — но только я ходить не могу». Ну, он потом ему говорит (подошел к окну): «Повернись,» — говорит. Он повернулся. Потом говорит: «Садись на ж...» Он сяд на ж... А потом говорит: «Ну, теперь вставай!» Он (в)стал и пошел дальше. «Ну, теперь дверь открывай». Он (в)стал и пошел дверь открыл. «Где у тебя родители?» — «Я, — говорит, — и сам не знаю, где они».

Ну, теперь этот старец из сумки вытаскивает две кружки и потом говорит: «У вас есть, — говорит, — хлеб?» (Дескать, булочки, допустим.) Он соскочил, взял там в кладовке, принес булочку. Он ее так разрезал. «Вот, — говорит, — половину ты кушай, половину я буду кушать». Когда стали кушать, покушали, он в одну чару налил и говорит: « Вот ты попей теперя». Когда он попил, говорит: «Как чувствуешь сам себя?» Илья говорит: «Прост-таки хорошо». А потом, когда еще попил, стал чувствовать еще лучше. Третий-то раз ему дал и говорит: «Ну, пока будешь ты доволен». Ну и только на двор вышел, и потерялся.

Ну, он после убегает, где отец с матерью чистили рощу. Это как раз около речки. Они что за месяц сделали, он за один час больше сделал. Прямо-таки лесину стал вырывать, в эту речку бросать. Ну ковды бросал, бросал, речку эту спрудил. Они лежали, отдыхали, ну вода подошла под их, они соскочили: «Чо такое? Чо случилось? Кто это смог на наш чертеяс залезть?»

Ну потом приходят домой, а Илья уже бегат. Они испугались: чо тако с парнем сделалось? Он ростиком-то ладненький был, но ног-то не было. Вот он подбегат и говорит: «Папа, мама, вообще, — говорит, — я много не проживу с вами. Я буду царская слуга». Мать-отец заплакали: «Почему ты так?» — «Ну так, — говорит, — приходится. Через три дня, — говорит, — побежит сиво-пегий жеребенок. Я этого жеребенка поймаю». — «А как ты

его, — говорит, — поймаешь?» — «Ну, как-нибудь надо».

Ну и правда, через три дня побежал этот жеребенок. Он его ухватил за хвост и удержал. А потом надеет на его уздечку и в темно место уводит. И стал он его кормить белояровой пшеницей. Ну ковды откормил его, много ли, мало ли он его кормил, он ему отвечает: «Мой хозяин дорогой, будь хозяин мой. Я тебе во всякие случаи буду служить под тобой». Ну, он, ковда конь ладный стал, — черкасское седло. Приходит домой, заседлывает эту лошадь. Потом начал с отцом-матерью прощаться: «Ну вот, оставайтесь, мои родители, а я еду царскую службу относить».

Ну ковды он побежал, то аж земля затряслася. Ну, побежал, побежал, побежал. Бежал, бежал. Стоят три дороги. По одной ехать — скорметому быть волкам. Посредине ехать — голодному быть. По третьей — убитому. Поехал по убитой.

Вот он бежал-бежал, бежал-бежал. Слышит — вроде свистит, человек что ли. Аж земля трясется. Ну, он подбежал ближе, ближе, а это Соловей-разбойник на двенадцати дубах сидел, он никого не пропускал: ни птицу, ни зверя, никого. Ну, он подбегает, значит. Уж его видно стало. Натягивает лук свой. И сразу стрельнул его, и прямо в глаз. И он с двенадцати дубов упал. Он когда подскочил к ему, то он еще ревет, свистит это. По-змеиному свистел, свистел, давай — по-звериному. Его конь начал падать. Он его шлепнул.

Ну, Илья его теперя, Соловья, завязывает в торока на коня, потом сам садится. Ну и идет будто бы а (г)де это Соловей-то находился, туда, в царство. Туда едет, а в этом царстве не только Соловей был, еще причиндалы были, богатыри. Выскочили они на двор и смотрят: « Папа, — говорят, — едет, кого-то везет в тороках». А сама Соловеева жена говорит: « Нет, — говорит, — не он везет, его везут в тороках». Илья подъезжает. Эти богатыри хотели навалиться на него. Она их и уняла: «Когда, — говорит, — отца убил, а с вами чо он будет делать?» Ну, подъезжает. Так и так, рассказала она ему все. А этого Соловья он дальше повел.

Ну, бежит-бежит, бежит-бежит. Потом слышит — попередь его едет на коне. Он и давай его догонять, и давай его догонять. Догонял-догонял, догонял-догонял — все ж-таки стал тот, видит, что едет. Он шагом едет, а Илья-то бежит, сколь есть скоку на коне. Ну, ковды стал догонять, хочет совсем догнать, не может. Тогда выдернул свой меч, сразу рубнул его, этого. (А ехал это Егор Святогор — попередь его). Ну он ковды его рубнул,

он только вот так поймал рукой. (Он, понимаешь, шибко был сильный, был богатырь.) Когда, значит, второй раз размахнулся, тоже так же. А когда третий-то раз секнул, а он совсем с конем поймал да и в карман посадил, этот Егор-то Святогор. Когда Егор Святогора конь начал спотыкаться, он ему говорит: «Что ты, волчье мясо, овсяной [мешок,] (с)потыкаешься?» А конь отвечает ему: «Мой хозяин, я везу три силы: как же я (с)потыкаться не буду?» Он тогда на руку взял, вытащил. То это Илья с конем, да этот еще Соловей богатырь-то сидит. Ну, побратовались и поехали вместе.

Вот они ехали, вот они ехали с нем. Потом слышат — двенадцать молотов вроде куют, колотят. Вот они ехали, вот они ехали, потом подъезжают — стоит гроб железный, открытый, двенадцать колец на крышке. Ну когда подъехали, Илья Муромец говорит: «Ну, — говорит, — брат, наверно, моя смерть тут». — «Ну чо ж, — говорит, — сделаем. Если уж твоя смерть, то вы остаетесь здесь, а если не твоя, то я остаюсь». Ну тогда Илья Муромец встает и ложится в гроб — гроб большой.

Егор Святогор: «Ну, значит моя смерть!» Берет ложится. Как лег, и кольца сразу схватились. Он в гробу лежит и говорит: «Руби, — говорит, — кольца, вытаскивай меня!» Он как секнет их, они опять срастутся, они опять срастутся. Он бился-бился, бился-бился. Егор Святогор говорит: «Возьми мой меч, руби». Он подскочил схватить эту меч — и поднять не может. «Я, — говорит, — поднять не могу». А у его уже пена пошла. «Ты, — говорит, — вот эту белу пену бери и ешь, и ты себе силу заберешь». Ну когда он эту пену попил, пошел, меч взял и поднимать начал, и потом начал рубить, но ничо сделать не может. «Ну, значит, — говорит, — остаюсь я тут». И он перестал говорить. Илья Муромец тогда своего коня завязывает, берет его меч, на его коня садится, а своего оставил, и поехал.

Вот он ехал, вот он ехал. Потом видит — идет человек пешком. Он догоняет этого человека, а человек этот сумку нес, ну, обычную сумку. Он догоняет его и, значит, догнал. Сперва догонял, догонял, не мог догнать, а этот человек остановился, сумку поставил. Подбегает Илья Муромец и говорит: «Здравствуй, старик!» — «Здравствуйте. Куда малый юнош побежал?» Он ему отвечает: так и так. «Так вот, малый юнош, подыми, — говорит, — мне эту сумочку, у меня спина болит». Он с коня подскочил, за петлю подхватил, подымать стал — конь до колен в землю зашел. Он тогда еще — ничо сделать не может. Соскочил с коня, поймал, так и сам в землю зашел.

Ну, он и говорит: «Какой же ты, силу имеешь просто, — говорит, — обыкновенную. Я, — говорит, — еще даже прибавлю». Ну, кожды из этой

сумки вытащил такую стопку, из бутылки или из графина он попил. «Ну, как чувствуешь теперя?» — «Я бы сейчас так сделал: небо землей и землю небой». — «Ну, — говорит, — сплюнь теперя на землю». Он сплюнул. « Ну как чувствуешь теперя?» — «Половины нету». — «Ну вот теперя етим будешь доволен».

Илья побежал дальше. Вот он бежать, вот он бежать. Бежал-бежал и на какой-то голец заскочил. Тут так и окаменел. Все кончилось.

(Записала Р. П.Матвеева (Улан-Удэ) в апреле 1971 г. от Алексея Дмитриевича Кобелева, 76 лет, русского, неграмотного, в с. Кырен Тункинского р-на БурАССР)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.